

Хан Сиэнь вскинул взгляд. Ночной гость неторопливо стянул маску, и под ней обнаружилось круглое, по-детски пухлое лицо Бай Шу.

Бай Шу озадаченно поджал губы, не пытаясь скрыть изумления. Он ведь только что проскользнул в окно и сделал пару шагов к постели Хан Сиэня, как вдруг сообразил, насколько бесцеремонно выглядит его вторжение. Он уже собирался бесшумно уйти, но не успел даже развернуться: юноша открыл глаза и сел в постели.

Бай Шу так и замер на месте. В боевых искусствах он считал себя одним из лучших в столице, и обычный человек ни за что не уловил бы его тихих шагов.

В комнате Хан Сиэня тускло горел светильник. Слушая мысленные восклицания гостя, юноша сохранял привычное бесстрашие, хотя в душе его закипали раздражение и глухой гнев. В бытность подопытным в лаборатории первые годы он страдал от жестокой бессонницы. Позже исследователи, желая продлить ему жизнь, начали пичкать его снотворным. Со временем из-за обилия лекарств препараты перестали действовать как положено: они лишь туманили разум, но не приносили глубокого, спасительного сна.

С тех пор его сон стал чутким, почти призрачным, и даже в этом мире избавиться от старой привычки не удалось. Любой шорох мгновенно возвращал его к реальности, не говоря уже о чужих мыслях, беспрестанно звучащих в голове. Кому понравится посреди ночи обнаружить у своего изголовья чью-то немую, пристально разглядывающую тебя фигуру?

Хан Сиэнь молча, в упор разглядывал незваного гостя.

Бай Шу при всей своей непосредственности обладал тонким чутьем. Хотя Хан Сиэнь ничем не выказал гнева, парень уловил исходившую от него волну ледяного недовольства. Смутившись, он неловко переступил с ноги на ногу и прошептал:

— Я не нарочно... Просто испугался за тебя, вот и решил поведать.

Вернувшись домой, Бай Шу сразу же попал под горячую руку старшего брата. До Бай Вэньханя, разумеется, уже дошли слухи о стычке с Фан Цзо. Но разгневался генерал не только из-за этого вздорного происшествия. Все последнее время, оставаясь в столице, он с тревогой ловил любые вести о действиях Хан Сиэня в Цзяннани. Сердце его разрывалось от страха, изумления и горького раскаяния.

Его поражала безрассудная смелость Наследника Хань, пугала мысль, что простодушный младший брат впутается в опасные интриги в Цзяннани, и мучило сожаление, что он не воспрепятствовал этой поездке. Тогда, в столице, окруженной бесконечной чередой семейных неурядиц, ему казалось, что Бай Шу полезно развеяться и повидать мир. В конце концов, с его мастерством юноше мало кто мог угрожать, да и польза от его навыков могла быть немалой.

Знай Бай Вэньхань заранее, что Хан Сиэнь и на чужбине поведет себя столь дерзко и вызывающе, он скорее переломал бы брату ноги, чем позволил сделать хоть шаг в сторону Цзяннани.

А когда разразился скандал вокруг Великой принцессы, генерал окончательно потерял терпение. Жестоко отчитав Бай Шу, он наотрез запретил ему даже приближаться к Хан Сиэню.

Бай Шу, разумеется, покоряться не желал — он ведь все еще собирался собственноручно написать портрет Хан Сиэня. Однако Бай Вэньхань на сей раз не на шутку испугался и проявил редкое упрямство. Он прямо заявил: если брат ослушается и сбежит в Поместье герцога Хань, то может забыть дорогу домой — семьи у него больше не будет.

Для Бай Шу дружба с Хан Сиэнем значила очень много, но и гневить любящего брата не хотелось. Чтобы не подливать масла в огонь, он честно просидел взаперти несколько дней.

Нарушить запрет его заставил случай. Этой ночью он, как обычно, забрался на дерево посмотреть на звезды, но невольно подслушал разговор Бай Вэньханя с преданным подчиненным.

Беседа велась на важные темы: обсуждали положение дел на границе и то, как изменится расстановка сил при дворе после возвращения маркиза Цзинго. Упоминание о маркизе неизбежно навело Бай Вэньханя на мысли о Хан Сиэне, а следом — и о собственном непутевом брате, который так настойчиво набивался к Наследнику в друзья.

Генерал не выдержал и в сердцах пожаловался подчиненному:

— Этот Наследник Хань играет с огнем. В его собственном доме все, от мала до велика, спят и видят его в гробу, не говоря уже об остальных. Пока государь находит ему применение, он, конечно, бережет его. Но стоит надобности исчезнуть, и Его Величеству даже руки марать не придется — герцог Хань сам задушит сыночка. Хан Сиэнь совершенно не думает о будущем. Те вельможи, чьи усадьбы он разорил, имели могущественных покровителей. Будь я на их месте, сейчас, пока он заперт императорским указом в четырех стенах, я бы сговорился с его отцом и избавился от паршивца раз и навсегда. Иначе кто знает, чьи головы полетят следующими?

Генерал редко позволял себе столь резкие отзывы о вельможах в присутствии слуг — сейчас в нем просто говорила досада. После благополучного возвращения брата его гнев на Хан Сиэня понемногу утих. В конце концов, Бай Шу был взрослым человеком, а не безвольной куклой, и волен был сам выбирать, с кем делить чашу вина. Понимать-то генерал это понимал, но смириться все равно не мог.

Хотя, если забыть о тревоге за брата, в глубине души Бай Вэньхань искренне восхищался Хан Сиэнем. Пусть его манера действовать в открытую казалась порой безрассудной до глупости, это не мешало генералу втайне ему завидовать.

В его собственном доме тоже хватало семейных дразг, но ему никогда не хватало духу

заставить замолчать родню так, как это сделал Хан Сиэнь, прижавший к ногтю самого герцога. И пусть этот триумф был лишь временным, сама мысль об этом приносила сладкое злорадство.

Бай Вэньхань лишь досадливо вздыхал, жалея, что его простодушный младший брат так отчаянно рвется в друзья к этому опасному человеку.

Он и не подозревал, что притаившийся на ветках Бай Шу принял его слова близко к сердцу. Парень не шутя испугался, что коварный герцог действительно решит покончить с сыном под покровом ночи. Недолго думая, он ускользнул из усадьбы и, стремительно перелетая с крыши на крышу, без труда пробрался в покои друга.

Охваченный тревогой, он даже не подумал о том, что на дворе стоит глухая полночь.

Услышав бесхитростные мысли ночного гостя, Хан Сиэнь почувствовал, как раздражение понемногу угасает. В этом мире его ненавидели многие, а те немногие, кто искал общения, преследовали лишь корыстные цели. И только Бай Шу беспокоился о нем искренне, всей душой.

Хан Сиэнь поплотнее запахнул ворот ночной рубахи и, опустив взгляд, мягко спросил, давая другу возможность сохранить лицо:

— Зачем ты явился среди ночи? Что-то случилось?

Заметив, что хозяин комнаты сменил гнев на милость, Бай Шу поспешно шагнул ближе:

— Я слышал, как брат говорил, будто твой отец замыслил недоброе. У тебя ведь совсем нет надежной охраны, вдруг они заманят тебя в ловушку?

Хан Сиэнь молча кивнул, соглашаясь, но мысленно усмехнулся.

«Бай Вэньхань зрил в самый корень, — отрешенно подумал Хан Сиэнь. — Чужая душа — потемки, и кровное родство здесь ничего не меняет. Не умел бы я читать мысли, давно разделил бы участь прежнего Наследника Хань, стигнув без следа»

Мир полон забот; люди лишь вздохнули бы, посетовав на несчастную судьбу слабого здоровьем юноши, да и забыли бы о нем на следующий день. Кому есть дело до безвременно ушедшего калеки, которого и видели-то всего пару раз?

Бай Шу вгляделся в его лицо. Решив, что ему не верят, он придвинулся еще ближе и горячо заговорил:

— Брат не станет лгать, поверь! Из-за цзяннаньского дела ты нажил кучу врагов. В этой усадьбе тебе никто не предан, а сам ты не владеешь боевыми искусствами. Случись что, твои слуги ничем не помогут. Зато у меня сил достаточно, я смогу тебя защитить!

Хан Сиэнь снизу вверх посмотрел на него. В неверном свете светильника были отчетливо видны длинные ресницы Бай Шу и его распахнутые, полные искренней тревоги глаза.

Губы Наследника тронула едва заметная усмешка.

— Не беспокойся, — негромко отозвался он. — Герцог Хань слишком дорожит своей репутацией. Что бы он там ни замышлял, он не посмеет пролить мою кровь в собственном поместье, пока у него остается иной выбор. Ему нужно доброе имя.

Бай Вэньхань рассуждал здраво, но судил лишь со своей колокольни. С позиции же Хан Чжо все выглядело иначе. Ради сохранения благообразного лица герцог терпел ненавистного больного сына больше десяти лет, так с чего бы ему терять самообладание теперь, когда на кону стоит все?

К тому же император пристально следил за каждым шагом Наследника. Хан Чжо не посмел бы рисковать положением пятого принца Цзи Хуая и репутацией своей сестры, Добродетельной наложницы Хан Юнь, устраивая расправу в стенах поместья.

Слова друга не слишком успокоили Бай Шу, но спорить он не стал, решив для себя, что просто будет приглядывать за юношей втайне.

Посмотрев на невозмутимого Хан Сиэня, он кивнул:

— Раз ты так уверен... Тогда я пойду.

Не дожидаясь ответа, он ловко скользнул в открытое окно и растаял в ночной темноте.

Хан Сиэнь задумчиво прищурился, глядя вслед гостю, словно ночной ветер, ворвавшийся в комнату, заставил его прикрыть глаза.

На следующее утро, когда Чэнь Сян и Би Хуа только подошли к дверям спальни, те распахнулись, и на порог вышел уже полностью одетый Хан Сиэнь. Би Хуа тут же поспешно склонила голову, но все же успела заметить бледность и следы утомления на его лице — казалось, Наследник не смыкал глаз всю ночь.

Разумеется, расспрашивать его служанка не осмелилась. Вместе с Чэнь Сян они молча внесли таз с чистой водой, позволяя господину самому умыться и причесаться.

Новый день в поместье герцога Хань обещал быть бурным: к полудню ожидали визита пятого принца Цзи Хуая.

Пятый принц пожаловал под предлогом заботы о здоровье захворавшей Старой госпожи Хань, но истинной причиной его приезда было письмо от матери, Добродетельной наложницы Хан Юнь. Перед отъездом та строго-настрого наказала сыну передать послание бабушке лично в руки и проследить, чтобы его не увидел никто посторонний.

Цзи Хуай, разумеется, сгорал от любопытства и по дороге не раз порывался вскрыть конверт, но, вспомнив предостерегающий взгляд матери, все же сдержался.

Старая госпожа Хань распечатала письмо прямо при внуке. Едва ее взгляд скользнул по строкам, лицо старухи исказилось, а в глазах, устремленных на Цзи Хуая, отразилось сложное, трудночитаемое чувство.

Принц невольно напрягся под этим тяжелым взглядом и нахмурил благородные брови. Он ведь успел краем глаза заметить содержимое письма: там красовались лишь одна горизонтальная черта и четыре точки. Какую тайну скрывали эти знаки, ведомые лишь его матери и бабке, он так и не сумел разгадать.

Старая госпожа долго смотрела на внука, после чего тяжело вздохнула:

— Ступай и передай Добродетельной наложнице, что я тщательно все обдумую.

Видя, что хозяйка дома не настроена на долгие разговоры, Цзи Хуай поспешил откланяться. У ворот двора его уже поджидал Хан Юэчжун, законный сын старшей ветви. Перекидываясь шутками, молодые люди направились на прогулку в персиковый сад.

Вечером, стоило герцогу Хан Чжо и его брату Хан Шу вернуться со службы, Старая госпожа спешно вызвала старшего сына к себе для уединенной беседы. Этот поспешный призыв заставил Хан Шу изрядно занервничать.

Отослав прочь слуг, Старая госпожа Хань протянула сыну сложенный лист бумаги. Ее лицо оставалось бесстрастным и холодным.

— Прочти. Что ты об этом думаешь?

Хан Чжо развернул письмо и на мгновение погрузился в раздумья.

— Добродетельная наложница желает, чтобы Хан Минчжу вошла во дворец?

Услышав это, Старая госпожа Хань горько усмехнулась и в упор посмотрела на сына:

— И ты станешь уверять, будто ничего об этом не знал?